

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 40–44

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 40–44

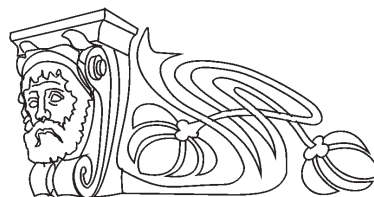
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-40-44>

Научная статья

УДК 1(470+571)(09)+929Аристотель

Фигура Аристотеля в отечественной интеллектуальной атмосфере XIX века

Д. А. Павлова

Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Павлова Дарья Александровна, ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, darialpavlova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8696-3980>

Аннотация. Перед исследователем, занимающимся темой присутствия философии Аристотеля в современном российском пространстве гуманитарных наук, встает задача осмыслить истоки отношения к Аристотелю в истории отечественной науки. Аристотель в России, в отличие от Европы, представлен ограниченно и даже там, где он присутствует, современная отечественная философия задевает из его наследия достаточно узкий пласт мысли. Статья посвящена теме особого отношения к фигуре Аристотеля в поле отечественной социально-гуманитарной мысли XIX в. Во время формирования русской философии как самостоятельного феномена общемировой культуры в поле зрения ее основателей попадает и Аристотель. Интерес к нему изначально не носит научного (историко-философского или филологического) характера, но вытекает из актуальных общественно-политических споров, которые впоследствии станут известны как споры славянофилов и западников. Аристотель в данном случае выступает частью мировой культуры, на особое место в которой претендуют отечественные интеллектуалы XIX в. Данная эпоха рассматривается как период, заложивший базовые принципы отношения к Аристотелю в России в XX в. Одним из таких принципов является отношение к Аристотелю как к историку науки и как к части мировой культуры.

Ключевые слова: Аристотель, русская философия XIX века, Киреевский, Белинский, Гегель, западники, славянофилы, Шеллинг

Для цитирования: Павлова Д. А. Фигура Аристотеля в отечественной интеллектуальной атмосфере XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 40–44. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-40-44>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The figure of Aristotle in the domestic intellectual atmosphere of the 19th century

D. A. Pavlova

Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia

Daria A. Pavlova, darialpavlova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8696-3980>

Abstract. A researcher dealing with the topic of the presence of Aristotle's philosophy in the modern Russian space of the humanities is faced with the task of comprehending the origins of the attitude towards Aristotle in the history of Russian science. Aristotle in Russia, unlike Europe, is represented in a rather limited way, and even where he is present, modern Russian philosophy uses a rather narrow layer of thought from his heritage. The article is devoted to the theme of a special attitude to the figure of Aristotle in the field of domestic social and humanitarian thought of the XIX century. During the formation of Russian philosophy as an independent phenomenon of global culture, Aristotle also falls into the field of view of its founders. The interest in Aristotle was not originally of a scientific (historical-philosophical or philological) nature, but stemmed from current socio-political disputes, which would later become known as the disputes between Slavophiles and Westernizers. Aristotle in this case acts as a part of world culture, in which domestic intellectuals of the 19th century claim to a special place. This era is considered as a period that laid the basic principles of attitude towards Aristotle in Russia in the 20th century. Such principles are the attitude towards Aristotle as a historian of science and as a part of world culture.

Keywords: Aristotle, Russian philosophy of the 19th century, Kireevsky, Belinsky, Hegel, Westernizers, Slavophiles, Schelling

For citation: Pavlova D. A. The figure of Aristotle in the domestic intellectual atmosphere of the 19th century. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 40–44 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-40-44>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В отличие от Западной Европы, где аристотелевское наследие через католическую традицию было воспринято всей культурой [1], в России отношение к Аристотелю было принципиально иным. Чтобы раскрыть особенности этого отношения, недостаточно будет обратиться исключительно к истории русской философии, поскольку таковая как самостоятельный феномен окончательно оформилась лишь к середине XIX в. (безусловно, мы не упускаем из вида того обстоятельства, что предпосылки к созданию русской философии возникли вместе с культурой русского народа), поэтому для объяснения и понимания отношения к Аристотелю в русской мысли необходимо обратиться к дофилософской эпохе нашей культуры. При этом мы учитываем непреходящее значение очерка В. П. Зубова «К истории аристотелевской традиции на Руси», в котором автор обращается к упоминаниям Аристотеля со «Сборника Святослава 1073 года», завершая свое рассмотрение серединой XVIII в. [2]. Следует начать с того, что в период, когда Европа открыла Аристотеля (XII–XIII в.), между Восточной и Западной церковью шла ожесточенная борьба. В то время, когда на Западе властителем умов был Фома Аквинский, на Востоке шли споры по поводу учения позднего его современника Григория Паламы [3]. Неслучайно основной соперник в паламитских спорах в конечном итоге примкнул к католичеству (Никифор Григора [3, с. 411–412]). Святой Григорий Палама в своих «Триадах» всячески предостерегал православного человека от того, чтобы тот прибегал к эллинской мудрости, считая таковую вымыслом недостойных мужей [3, с. 417]. Следует отметить, что он имел в виду прежде всего Платона, а отдельно об Аристотеле речь не заходила (он упоминается всегда в ряду с Платоном, Птолемеем, Евклидом и другими античными мудрецами), поскольку имя последнего целиком и полностью, на взгляд Григория Паламы, принадлежало католикам.

Таким образом, Аристотель, открытый Европой, изначально даже не рассматривался в качестве возможного источника для молодой русской культуры. Логика Стагирита через Ивана Дамаскина [4] воспринималась в восточном христианстве постольку, поскольку ее передавала Академия Платона и неоплатоники, включая те элементы аристотелевской логики, которые были апроприированы учениками Платона [5, с. 94–105]). Так, в восточном христианстве сложилась традиция рассматривать «Органон» Аристотеля исключительно как принадлежность платоновской школе, а самого

Платона если и не критиковать (хотя критики было предостаточно), то держать на некотором интеллектуальном расстоянии.

Несмотря на то, что с того времени прошло несколько веков, в отношении Аристотеля ситуация принципиально не менялась. На протяжении всех этих лет основным античным автором классической эпохи философии, который бросал вызов русской мысли, оставался Платон. Несомненно, это связано с тем же обстоятельством, в соответствии с которым еще Блаженный Августин размышлял о том, достоин ли Платон войти в царство Божие, несмотря на то, что он язычник. Исторически сложилось так, что из-за исчезновения текстов Аристотеля с культурного горизонта становящегося христианства Платон оказался единственным серьезным мыслителем, который бросал вызов молодой христианской мысли, а все достижения аристотелизма за отсутствием источников были приписаны именно Платону. В отличие от Западной церкви, которая формировала свое учение в первые века христианства, Восточная вынуждена была проходить свой особый путь, фактически на тысячелетие позже – как раз в то время, когда Европа открыла Аристотеля. Именуя себя ортодоксальной, православной, Восточная церковь не могла не занимать консервативной позиции. Применительно к нашей теме она заключалась в том, что Европа, изначально покоренная Платоном, теперь вдруг внезапно обратилась к Аристотелю и покорилась ему. Таким образом, принятие Платона и его учения как главного античного оппонента-соучастника стало чуть ли не первым делом отстаивания приверженности изначальному христианству. А поскольку данный период совпал со временем самых активных поисков идентичности со стороны православной веры, то неприятие Аристотеля стало одним из признаков этой самой идентичности.

В связи с этим на протяжении последующих веков в государстве, где основной тон задавало восточное христианство, т. е. православие, Аристотель с его сочинениями выступал фигурой *pop grata*. В таких обстоятельствах не должен вызывать удивление тот факт, что имя Аристотеля либо вовсе не упоминалось, либо упоминалось исключительно в негативном ключе, а открытие его для русской культуры впервые состоялось в рамках становящейся в качестве самостоятельной русской философии. И даже здесь для молодых и горячих умов – основателей русской философии – Аристотель заявил о себе не напрямую, как это было характерно для XIX в. в России, его имя зазвучало в связи с самыми актуальными и злободневными спорами текущего момента.

Как известно, русская философия формировалась не как таковая, а из симбиоза общественно-политических и литературных дискуссий своего времени. Не отвлекаясь от рассматриваемой темы, мы должны, тем не менее, напомнить, что период зарождения русской философии приходится на 1820-е гг. [6, с. 136], когда молодые офицеры после наполеоновской войны вернулись в Россию. В этот период первый дискуссионной темой среди молодых интеллектуалов России стало шеллингианство (необходимо помнить о том, что к данному периоду они были знакомы только с сочинениями раннего Ф. В. Й. Шеллинга, в частности с «Системой абсолютного идеализма» [7]). Их волновал путь развития России. Ф. В. Й. Шеллинг, говоря современным языком, отстаивал «цивилизационный подход», согласно которому каждая культура вносит свой неповторимый вклад в развитие мировой истории. Культуры сосуществуют и выступают соучастниками на мировой арене истории. С этой точки зрения восточная, православная культура необходима для мировой истории. Здесь видится прообраз того направления, который впоследствии будет называться славянофильством.

Однако в 30-е гг. после процесса над декабристами вектор интеллектуальных исканий заметно сместился. Имея возможность посещать Европу и быть в курсе последних новшеств, молодые люди обратили свой взор на Г. В. Ф. Гегеля. Философ только что скончался, однако слава его как всеевропейского властителя дум еще не померкла. Гегельянцы в России представляли собой оппозицию предыдущему поколению шеллингианцев. Согласно Г. В. Ф. Гегелю Мировой Дух каждый раз избирает для себя то или иное государство, которое в данный момент более всего соответствует его целям. Таким образом, для того чтобы попасть в поле зрения мировой истории, народ и государство должны соответствовать чаяниям Мирового Духа. В таких условиях своеобразие и культурные особенности того или иного государства значимы лишь постольку, поскольку они этим чаяниям отвечают. Россия со всем ее своеобразием в глазах молодых русских гегельянцев должна развивать лишь самые «перспективные» «передовые» ожидания Мирового Духа.

Применительно к теме Аристотеля молодые русские гегельянцы вынуждены были, апеллируя к тому культурному фону, который подпитывал Мировой Дух Европы, обратить внимание и на Аристотеля. Неслучайно один из первых гегельянцев в России И. В. Киреевский, как отмечает Д. И. Чижевский, увидел параллель между

Г. В. Ф. Гегелем и Аристотелем: «Что Киреевский заметил внутреннюю связь Гегеля с Аристотелем, что от него не укрылось их сродство, не замеченное тогда никем, уже само по себе замечательно!» [8, с. 36]. Примечательно то обстоятельство, что Киреевский почувствовал зависимость западной культуры от Аристотеля, равно как и недостаточность присутствия последнего в отечественной культуре.

Однако данное наблюдение не имело существенных последствий. Поскольку молодые интеллектуалы были увлечены событиями текущего дня, то, соответственно, их выводы направлялись исключительно в «новостную повестку». Никто из них, к сожалению, не способен был открыть Аристотеля для России.

Таким образом, имя Аристотеля в контексте общественно-политических дебатов XIX в. в России было исключительно связано с именем Г. В. Ф. Гегеля. С точки зрения славянофилов, и Гегель, и Аристотель неправильно понимали особый вклад России в мировую историю.

Не уходя от заданной темы, мы все же должны сказать, что спор западников и славянофилов, касающийся исключительно текущих событий, вобрал в себя аргументы, далеко выходящие за его рамки. Решающую роль в восприятии Аристотеля в кругу интеллектуалов России сыграл В. Г. Белинский. Вдохновляясь народническими настроениями, он, ранее очарованный Гегелем [8, с. 139–141], в определенный момент стал нападать как на Г. В. Ф. Гегеля, так и на Аристотеля [8, с. 36]. Как это ни удивительно, но В. Г. Белинский произнес Гегелю приговор, который не только совпал с марксовым, но и существенно определил судьбу наследия Аристотеля в России на долгие годы вперед. Если К. Маркс намеревался перевернуть Г. В. Ф. Гегеля с головы на ноги [9, с. 22], подразумеваемая под этим, что мировая история движима не духом (головой), а экономикой (ногами), то В. Г. Белинский произнес не менее суровое обвинение: «Судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира и здоровья китайского императора (т. е. гегелевской *Allgemeinheit*). Мне говорят: развивай все сокровища своего духа для свободного самонаслаждения духом, плачь, дабы утешиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись к совершенству, лезь на верхнюю ступеньку лестницы развития, – а споткнешься – падай – черт с тобою – таковский и был сукин сын... Благодарю покорно, Егор Федорович, – кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всем подобающим Вашему философскому филистерству уважением честь имею донести Вам, что, если бы мне и удалось влезть

на верхнюю ступень лестницы развития, – я и там попросил бы Вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверий, инквизиции, Филиппа II и пр. и пр.: иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братии по крови, – костей от костей моих и плоти от плоти моя» [цит. по: 8, с. 166].

Таким образом, В. Г. Белинский предугадал отношение к Аристотелю, которое существовало в России вплоть до сегодняшнего времени: Аристотель – сухой наукообразный схоласт, который систематизировал весь мир, не оставив в нем места для живейшего (экзистенциального) порыва, не интересующийся жизнью конкретных людей, систематик. Данный взгляд на Аристотеля, впрочем, не является оригинальной точкой зрения на творчество Стагирита. Подобное обвинение можно услышать уже в творчестве Ф. Бэкона, который, не удовольствовавшись доступным ему «Органоном», вознамерился написать «Новый органон». Вместе с тем В. Г. Белинский, исходя из своих задач, огласил общеевропейский взгляд на наследие Аристотеля молодой Европы, которая, становясь собой, отталкиваясь от доставшегося ей наследия Средневековья.

К сожалению, в тот момент Европа уже окончательно «разобралась» с Аристотелем и вновь обратилась к Платону [10, с. 130–152]. Аристотель для Европы по большей части ассоциировался (как и сейчас) с возрождением католической догматики, т. е. с творчеством Фомы Аквинского, а потому именно фигура Платона, апроприированного Восточной церковью, стала на данный момент для европейских ученых ключевой. Подобно В. Г. Белинскому, но по другим основаниям европейские ученые полагали, что с Аристотелем «все ясно». Он был для всех, в том числе для В. Г. Белинского, «систематизатором и классификатором» античной науки, которую опередили современные науки. На этой волне позитивизма философские взгляды Аристотеля представлялись преодоленными, поскольку его биологические и астрономические наблюдения были опровергнуты. Таким образом, изначально в европейской традиции благодаря позитивизму Аристотель стал необходим, чтобы продемонстрировать собственное превосходство.

Апеллирующий изначально к Аристотелю Киреевский, равно как и В. Г. Белинский, интересовался не столько античной философией, сколько текущими обстоятельствами. Ф. В. Й. Шеллинг и Г. В. Ф. Гегель были фактически их ровесниками, в то время как Аристотель являлся лишь

громким именем, к которому в зависимости от необходимости прибегала то одна, то другая сторона. Аристотель как таковой никого из них не интересовал. Поэтому в отечественное и переводное книгоиздательское дело он изначально входит как сугубо исторический персонаж. Причем «исторический» здесь следует понимать двояко: как историк науки (там, где Россия согласилась с тем, как его понимал Запад) и как тот, кто сказал свое слово в истории Мирового Духа, к которому после Октябрьской революции Россия намеревалась примкнуть. Эта двоякая роль в понимании Аристотеля целиком и полностью определила стратегию и тактику его переводов на русский язык в XX в.

Список литературы

1. *Аверинцев С. С.* Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 319–328.
2. *Зубов В. П.* К истории аристотелевской традиции на Руси // *Зубов В. П.* Аристотель. М. : Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 332–349.
3. *Бибихин В. В.* Краткие сведения о жизни и мысли Св. Григория Паламы // Святитель Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. СПб. : Наука, 2004. С. 388–427.
4. *Дамаскин Иоанн.* Источник знания. СПб. : Наука, 2006. 360 с.
5. *Диллон Дж.* Наследники Платона : исследование истории Древней Академии (347–274 гг. до н. э.). СПб. : Издательство С.-Петербургского университета, 2005. 281 с.
6. *Зеньковский В. В.* История русской философии. М. : Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
7. *Шеллинг Ф. В. Й.* Система трансцендентального идеализма / пер. И. Я. Колубовского. Л. : Соцэкгиз, 1936. 479 с.
8. *Чижевский Д. И.* Гегель в России. СПб. : Наука, 2007. 411 с.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. М. : Государственное издательство политической литературы, 1960. 900 с.
10. *Колесников И. Д.* Фридрих Ницше и античность. Образ классической древности в немецкой гуманитарной мысли XVIII–XX веков. М. : Культурная революция, 2020. 432 с.

References

1. *Averintsev S. S.* Christian Aristotelianism as an internal form of the Western tradition and the problems of modern Russia. In: *Averintsev S. S. Rhetorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii* [Rhetoric and Origins of the European

- Literary Tradition]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1996, pp. 319–328 (in Russian).
2. Zubov V. P. Back to history Aristotelian tradition in Russia. In: Zubov V. P. *Aristotel'* [Aristotle]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963, pp. 332–349 (in Russian).
 3. Bibikhin V. V. Brief information about the life and thought of St. Gregory Palamas. In: *Svyatitel' Grigoriy Palama. Triady v zashchitu svyashchenno-bezmolstvuyushchikh* [Triads for the Defense of Those Who Practice Sacred Quietude]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 388–427 (in Russian).
 4. Damaskin Ioann. *Istochnik znaniya* [Fountain of Knowledge]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 360 p. (in Russian).
 5. Dillon J. *The Heirs of Plato: A Study of the Old Academy (347–274 B.C.)*. Oxford, Clarendon Press, 2003. 252 p. (Russ. ed.: Dillon Dzh. *Nasledniki Platona: issledovanie istorii Drevney Akademii (347–274 gg. do n. e.)*. St. Petersburg, Izdatel'stvo St. Peterburgskogo universiteta, 2005. 281 p.).
 6. Zen'kovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., Raritet Publ., 2001. 880 p. (in Russian).
 7. Schelling F. W. J. *System of transcendental idealism*. Charlottesville, University Press of Virginia, 1978. 248 p. (Russ. ed.: Shelling F. V. J. *Sistema transsental'nogo idealizma*. Leningrad, Sotsekgiz Publ., 1936. 479 p.).
 8. Chizhevskiy D. I. *Gegel' v Rossii* [Hegel in Russia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 411 p. (in Russian).
 9. Marks K., Engel's F. *Soch.* 2-e izd. T. 23 [The Works. 2nd ed. Vol. 23]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1960. 900 p. (in Russian).
 10. Kolesnikov I. D. *Fridrikh Nitszshe i antichnost'. Obraz klassicheskoy drevnosti v nemetskoj gumanitarnoy mysli XVIII–XX vekov* [Friedrich Nietzsche and Antiquity. The Image of Classical Antiquity in the German Humanitarian Thought of the XVIII–XX Centuries]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2020. 432 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 02.11.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 20.12.2021
The article was submitted 02.11.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 20.12.2021